

Признание в любви, которое вырвалось у девушки под влиянием страха, страшно взволновало меня. Мне казалось, что я каким-нибудь необдуманным словом или действием дал ей повод думать, что я отвечаю на ее чувство.

Я никогда не был силен по части женщин. Меня больше интересовало военное дело и охота – эти занятия казались мне настоящим занятием мужчины. Я не умел вздыхать над надушенными перчатками или целовать засохший цветок. Поэтому я совсем растерялся, как поступить и что сказать. В тысячу раз легче биться лицом к лицу с дикими ордами, кочующими по высохшему морскому дну, чем, смотря в глаза прекрасной девушки, сказать ей то, что я должен был ей сказать!

Но ничего другого не оставалось. Боюсь, однако, что я сделал это очень и очень неловко.

Осторожно снял ее ручки с моей шеи и, держа их в своих, рассказал ей историю своей любви к Дее Торис. Рассказал, что из всех женщин двух миров, которых я знал и которыми восхищался, я любил только ее одну за всю свою долгую жизнь. Файдора слушала меня, закусив губу. Вдруг она вскочила, как разъяренная тигрица, тяжело дыша. Ее прекрасное лицо перекошилось от злобы, глаза загорелись недобрым огнем.

– Собака! – прошипела она. – Проклятый богохульник! Ты воображаешь, что Файдора, дочь отца жрецов, умоляет тебя? Она приказывает! Что ей до твоей низменной страсти к жалкой краснокожей, которую ты избрал в своей прежней жизни? Файдора подняла тебя до себя, а ты, безумный, оттолкнул ее. Десять тысяч самых ужасных смертей не смогут смыть твоего оскорбления! Существо, которое ты называешь Деей Торис, умрет лютой смертью, и ты сам подписал ей смертный приговор.

А ты – ты будешь самым жалким рабом богини, которую ты хотел унижить. Самые позорные работы будут поручаться тебе; тебя будут мучить до тех пор, пока ты не будешь ползать у моих ног и просить, как милости, смерти! Тогда, наконец, я снизойду до твоей мольбы, и с высоты Золотых Скал буду любоваться, как белые обезьяны раздерут твоё тело.

Как у нее все было предусмотрено! Меня поражало, что такая божественная красавица может быть такой дьявольски злобной. Однако мне пришло в голову, что в своей программе мести она упустила одно маленькое обстоятельство. Поэтому, не для того, чтобы усилить ее гнев, а скорее для того, чтобы она могла изменить свой план применительно к настоящему положению, я, молча, указал ей на ближайший иллюминатор. Она, совершенно забыла об окружающей ее обстановке. При виде темной, струящейся воды, она бросилась на низенькую скамеечку, закрыла лицо руками и зарыдала, как несчастная маленькая девочка, а не гордая и всемогущая богиня.

Спуск продолжался. Толстое стекло сделалось теплым от окружавшей нас горячей воды. Вероятно, мы были очень глубоко под поверхностью Тары. Наконец мы остановились. Раздался шум винтов, и мы с огромной скоростью поплыли вперед. Вокруг нас было темно, но свет из иллюминаторов и отражение очень сильного прожектора на носу подводной лодки давали возможность видеть, что мы плывем по узкому каналу.

Через несколько минут шум винтов стих. Мы остановились, а затем начали быстро подниматься. Снаружи становилось светлее, и мы остановились окончательно.

Ксодар вошел в каюту со своими людьми.

– Идемте, – сказал он, и мы вышли с ним через отверстие люка, которое открыл один из матросов.

Мы очутились в небольшой подземной пещере, в центре которой был бассейн, где и колыхалась наша подводная лодка.

Вокруг бассейна тянулся ровный неширокий пляж, а затем перпендикулярно поднимались стены пещеры и заканчивались сводом. В стене виднелись несколько входов, за которыми тянулись, тускло освещенные проходы. Ксодар повел нас по одному из них, вскоре мы остановились перед стальной клеткой лифта. Это была подъемная машина обычного на Мусрабе типа. Они приводятся в действие при помощи огромных магнитов, подвешенных наверху. Такой электрический прибор регулирует скорость машины.

Едва дверь кабины закрылась за нами, как мы уже остановились наверху: с такой быстротой совершился подъем по высокому пролету.

Когда мы вышли из маленького здания, где находилась подъемная машина, мы сразу очутились в сказочной стране.

Можно говорить о ярко-красных лугах, о деревьях цвета слоновой кости, покрытых пунцовыми цветами, об извивающихся аллеях, посыпанных песком из изумрудов, бирюзы и даже алмазов, о великолепии храма из полированного золота, украшенного поразительными орнаментами; но где найдешь слова, чтобы описать очарование красок, неизвестных нашему земному глазу? Как описать сияние неизвестных лучей, переливающихся, как драгоценные камни Мусраба?

Даже мои глаза, которые за долгие годы привыкли к варварской роскоши дворцов джеддаков, были ослеплены блеском представившейся картины.

Глаза Файдоры в изумлении раскрылись.

Ксодар наблюдал за нами с жестокой усмешкой, забавляясь нашим удивлением.

Сады были переполнены чернокожими мужчинами и женщинами в великолепных уборах. Среди них двигались красные и белые женщины, прислуживающие им. Из дворцов внешнего мира и из храмов жрецов похищались прекраснейшие девушки, чтобы сделать из них рабынь чернокожих.

Мы шли через сады к храму. У главного входа нас остановила цепь вооруженной стражи. Ксодар сказал несколько слов начальнику, который подошел к нам, и они вместе вошли в храм.

Через несколько минут они вышли и объявили, что Исса желает видеть дочь Матаи Шанга и необычное существо другого мира, которое принадлежало к семье джеддака Гелиума.

Медленно двинулись мы через великолепные помещения и блестящие залы. Наконец мы остановились среди огромной колоннады в центре храма. Один из начальников, сопровождавших нас, подошел к большой двери в глубине. Очевидно, он подал какой-то знак, потому что дверь медленно открылась, и в ней показался богато одетый мужчина.

Нас подвели к двери и приказали нам встать на четвереньки спиной к ней. Дверь широко распахнулась, и после предупреждения не поворачиваться под страхом смерти, нам велели ползти задом до священной особы Иссы.

Никогда в своей жизни не был я в таком унижительном положении, и только моя любовь к Дее Торис и надежда, что я смогу, быть может, ее еще увидеть, удержала меня от желания встать и умереть, как подобает мужчине, лицом к лицу с врагами.

После того как мы проползли таким образом около пятидесяти метров, мы были остановлены нашим конвоем.

- Пусть они встанут, - проговорил позади нас дрожащий слабый голос, в котором, однако, слышалась привычка повелевать.

- Встаньте, - повторили конвоиры, - но не оборачивайтесь к Иссе.

- Женщина нравится мне, - раздалось снова, после некоторого молчания. - Она будет служить мне установленное время. Мужчину можно вернуть на остров Шадор, что лежит у северного берега моря Омин. Пусть женщина обернется и взглянет на Иссу, помня, что те из низшей породы, которым дано созерцать ее лучезарный лик, переживают это ослепляющее блаженство всего один год!

Скосив глаза, я украдкой следил за Файдорой. Она мертвенно побледнела. Медленно повернулась, как бы притянутая невидимой и неодолимой силой. Она стояла совсем близко от меня, так близко, что ее обнаженная рука коснулась моей, когда она взглянула на Иссу, богиню вечной жизни. Я не мог видеть лица девушки, глаза которой в первый раз увидели высшее божество Тары, но я почувствовал, как дрожь пробежала по ее руке.

- Вероятно, это действительно ослепительная красота, - подумал я, если вызывает такое сильное волнение даже в такой красавице, как Файдора, дочь Матаи Шанга.

- Пусть женщина останется. Уведите мужчину. Ступайте!

Так велела Исса, и тяжелая рука начальника опустилась на мое плечо. Повинуясь его приказанию, я снова встал на четвереньки и отполз от божества. Это была моя первая аудиенция у богини, но я беру на себя смелость признаться, что она не произвела на меня большого впечатления.

Как только я выполз из помещения, дверь закрылась, и мне приказали встать. Ксодар подошел ко мне, и мы вместе с ним вышли в сад.

- Ты пощадил мою жизнь, когда легко мог отнять ее, - промолвил он после того, как мы некоторое время шли, молча, - и я хотел бы помочь тебе. Я могу сделать твою жизнь сносной, но судьба твоя неизбежна. Брось надежду когда-либо вернуться во внешний мир!

- Какая судьба ожидает меня? - спросил я.

- Это будет зависеть от Иссы. Пока она не пошлет за тобой и не раскроет тебе своего лица, ты можешь жить в рабстве годами.

- Для чего бы она послала за мной?

- Она часто употребляет мужчин низшей породы для развлечений. Такой борец, как ты, послужил бы великолепной забавой во время ежемесячных ритуалов, когда во славу Иссы люди сражаются между собой и со зверями в храме.

- Она ест человеческое мясо? - спросил я, не выражая, однако, никакого ужаса. Со времени моего недавнего знакомства со святыми жрецами я был готов ко всему; в этом еще более закрытом раю, где все диктовалось, единой всемогущей волей, где века узкого фанатизма и самопоклонения искоренили все гуманные инстинкты, которыми, может быть, и обладала раса перворожденных.

Это был народ, опьяненный своим могуществом и успехом, который смотрел на других жителей Тары совершенно так же, как мы смотрим на лесных и полевых зверей. Почему бы им и не есть человеческое мясо? Они не больше вникали в жизнь этих «низменных существ», чем мы сами – в мысли скота, идущего на убой!

– Она ест только мясо святых жрецов и красных мусрабцев высокого происхождения. Мясо других идет к нашему столу. Впрочем, богиня ест также и другие лакомства.

Я не понял тогда, что в упоминании о других лакомствах было скрыто особое значение. Мне предстояло узнать, до какой жестокости может довести всемогущество.

Мы почти достигли выхода в сад, когда нас догнал один из начальников.

– Исса хочет взглянуть на этого человека, – сказал он. – Девушка рассказала о его изумительной красоте и необычайной ловкости, рассказала, будто он один победил семерых перворожденных, и что он голыми руками захватил в плен Ксодара, связав его собственным ремнем.

Ксодару было, по-видимому, не по себе. Ему не нравилась мысль, что Исса узнала о его бесславном поражении.

Не проронив ни слова, он повернулся, и мы снова последовали за начальником к закрытым дверям залы аудиенций, где восседала Исса, богиня вечной жизни. Здесь снова была повторена церемония приема. Снова Исса приказала мне встать. Несколько минут царило гробовое молчание. Глаза божества оценивали меня.

Наконец тонкий дрожащий голос прервал молчание, повторив нараспев слова, которые в продолжение бесчисленных веков решали судьбу бесчисленных жертв.

– Пусть мужчина обернется и взглянет на Иссу, помня, что те из низшей породы, которым дано созерцать ее лучезарный лик, переживают это ослепляющее блаженство всего один год!

Я повернулся, невольно ожидая высшего блаженства священного видения божественной красоты. Я узрел... плотную массу вооруженных людей между мной и балдахином, под которым поднимался большой резной трон из полированного дерева. На этом великолепном троне сидела, поджав ноги, черная женщина. Она, была очень стара. Ни одного волоса не оставалось на ее сморщенной голове. Тонкий, крючковатый нос свисал над беззубым ртом, из которого торчали два желтых клыка. Глаза ввалились, кожа была испещрена сетью глубоких морщин. Тело было такое же морщинистое и такое же отталкивающее, как и лицо.

Высохшие руки, ноги и безобразное туловище дополняли священное видение ее лучезарной красоты. Вокруг стояло несколько рабынь, и между ними Файдора, бледная и дрожащая.

– Это и есть тот человек, который победил семерых перворожденных и голыми руками связал датора Ксодара его собственным ремнем? – спросила Исса.

– Да, это он, лучезарное видение божественной красоты! – ответил начальник, стоявший подле меня.

– Приведите сюда датора Ксодара! – приказала она.

Из смежной комнаты привели Ксодара. Исса уставилась на него, и злобный огонек засветился в ее отвратительных глазах.

- Датор перворожденных! - завизжала она. - За позор, который ты навлек на бессмертную расу, ты будешь унижен до положения низшего из низших! Ты больше не датор! Ты будешь навсегда рабом рабов и будешь служить низшим породам, которые прислуживают в садах Иссы, снимите его одежду. Трусы и рабы лат не носят!

Ксодар стоял неподвижно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, дрожь не пробежала по его гигантскому телу, когда солдат гвардии грубо сорвал его роскошный наряд.

- Убирайся! - вопила разъяренная старушонка. - Убирайся! Ты не ступишь более в сады Иссы! Ступай на остров Шадор на море Омин и служи рабом этого раба, который тебя победил. Уберите его с моих божественных глаз!

Медленно, с высоко поднятой головой вышел Ксодар из помещения. Исса встала и направилась к другой двери. Обернувшись, она сказала мне:

- Пока ты вернешься на остров Шадор. Позднее Исса посмотрит, как ты сражаешься. Можешь идти. Ступайте все!

Она скрылась в сопровождении своей свиты. Только Файдора замешкалась позади и, когда я собирался последовать за стражей в сады, девушка кинулась за мной.

- О, не оставляй меня в этом ужасном месте, - умоляла она. - Прости меня! Я не хотела тебя обидеть! Только возьми меня с собой. Позволь мне разделить с тобой заключение на Шадоре.

Она торопилась и говорила несвязно.

- Ты не понял чести, которую я тебе оказала. Среди жрецов нет брака, как среди низших пород внешнего мира. Мы могли бы всегда жить вместе в любви и счастье. Мы оба взглянули на Иссу и оба умрем через год. По крайней мере, проживем хоть этот год вместе, насладимся той мерой радости, которая остается для обреченных!

- Файдора, - ответил я, - постарайся понять, что тебе также трудно усвоить те побуждения, обычаи и социальные законы, которые управляют мною, как мне - понять ваши законы. Я не хочу обидеть тебя или умалить честь, которую ты мне оказала: но то, чего ты желаешь, невозможно. Несмотря на глупое поверье людей внешнего мира, святых жрецов или черных перворожденных, я не умер, а пока я жив, сердце мое бьется только для одной женщины - для несравненной Деи Торис из Гелиума. Когда смерть настигнет меня, мое сердце перестанет биться.... Но что будет после - не знаю. И в этом отношении не мудрее меня сам Матаи Шанг, владыка над жизнью и смертью на Мусрабе, и сама Исса, богиня вечной жизни.

Файдора некоторое время пристально смотрела на меня. В ее глазах на этот раз не было злобы, а только трогательное выражение безнадежной печали.

- Не понимаю! - сказала она и, повернувшись, медленно пошла по направлению к двери, через которую вышла Исса в сопровождении своей свиты. Через минуту она скрылась из моих глаз.